

М. В. Шакурова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Пристальное внимание современной педагогики и образования к вопросам формирования идентичности личности неизбежным следствием имеет появление новых аспектов в трактовке целого ряда традиционных вопросов и понятий. Предпримем ряд рассуждений, предметом которых станет аксиологическая составляющая процесса формирования социокультурной идентичности личности. К интересующим нас аспектам, имеющим принципиальное значение для формирования социокультурной идентичности личности, отнесем противоречия между: а) социальным и культурным и б) долженствованием и должным.

Идентичность как защита личного, соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надындивидуальному целому – одно из базовых понятий современного социально-гуманитарного знания (Г.М. Андреева, Т.М. Буякас, М.В. Заковоротная, В.С. Малахов, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Л.Б. Шнейдер и др.).

С точки зрения Э. Эриксона (Erikson), основными функциями идентичности являются адаптивная (сохранение целостности и защита индивидуального опыта человека) и организующая (организация жизненного опыта в индивидуальное «Я»). Механизмы формирования идентичности личности основаны на выделении «своего Другого», «своей группы», «своей культуры», т.е. некоего референта в социокультурном пространстве. Принимаемые и отвергаемые идентичности составляют в этом пространстве систему координат, с которой соотносится позиция индивида.

Современная идентика, обращаясь к изучению идентичности личности, в качестве основных оперирует тремя сопряженными понятиями: социальная идентичность, личностная идентичность и самоидентичность. Педагогически значимой спецификой социальной идентичности и многочисленных ее подвидов является прямая зависимость от социокультурных условий, в которых происходит развитие личности.

В структуре социальной идентичности традиционно выделяют подвиды, в том числе – культурную идентичность как результат опре-

деления человеком себя через принадлежность к той или иной культуре (Т.Г. Грушевицкая, Н.Б. Крылова, В.Д. Попков и др.). Суть данного подвида идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «Я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Соотношение социальной и культурной идентичности в современной идентике трактуется неоднозначно. Следуя социокультурной логике (каждый культурный объект имеет свой социальный масштаб), мы будем оперировать понятием «социокультурная идентичность». Данный вид идентичности определяется нами как элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интриоризации культурных моделей, транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, отдельными субъектами. Социокультурная идентичность зависима от особенностей социокультурного наследования, одним из механизмов которого выступает процесс воспитания и обучения. Существенную роль при этом играют имеющие ценность антропообразы, образцы, нормы, которые предъявляются подрастающему поколению как отдельными индивидами, так и группами, сообществами, общностями. Последнее утверждение свидетельствует о значимости аксиологических характеристик при определении содержания социокультурной идентичности и процесса ее формирования.

Ведущим условием формирования рассматриваемого вида идентичности выступает социокультурное пространство. Преобладающие в данном пространстве связи и отношения (социальные или культурные) предопределяют характеристики идентичности, формирующейся у включенной в это пространство личности. Социальные характеристики представлены сочетанием представлений о социально приемлемом и социально типичном выстраивании отношений, социальных норм, регулирующих взаимодействия людей и образуемых ими групп. Социальные характеристики предполагают усвоение прежде всего на нормативном уровне, как правило, не допуская интерпретации. Культурные характеристики презентированы сочетанием представлений о ценностных основах взаимодействия. Культурные характеристики по природе своей интерпретативны, лишь в незначительной степени нормативны.

Культура и социальные отношения – два аспекта воспроизводственной человеческой деятельности, при этом в обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой (например, культурные программы предопределяют нефункциональность жизненно важных социальных отношений). Возможность возникновения данного типа противоречий связана с тем, что изменения культуры и изменения социальных отношений подчиняются разным закономерностям – это выведенный А. Ахиезером социокультурный закон.

Согласно А. Ахиезеру [1], социальные отношения – относительно устойчивые структуры, которые не могут меняться произвольно, по желанию людей. Существует ограниченное количество вариаций таких отношений, при этом большинство из теоретически возможных вариантов социальных отношений на практике неосуществимы. Жизнестойки лишь отдельные социальные отношения («проверены временем»), предполагающие тот или иной приемлемый баланс интересов вступающих в эти отношения индивидов. Культура самокритична, рефлексивна, многомерна, альтернативна в каждой своей точке. Она определяет разнообразные модели социальных отношений, в том числе, и представления, приводящие общество к кризису. Воспроизводство культурных утопий, неосуществимых в реальной практике социальных отношений, происходит в результате того, что культурные модели социальных отношений всегда имеют своим образцом локальные сообщества и переносят на «большие общества» менталитет общины в тех или иных его проявлениях.

Изменение социальных отношений в принципе всегда влечет за собой изменение эффективности воспроизводственной деятельности. В обществе допустимы только такие социальные отношения, которые могут обеспечить необходимый для общества уровень гармонии, тогда как культура всегда несет в себе оценки любого реального или возможного явления с точки зрения некоторого идеала, независимо от возможности его воплощения. Развитие культуры не гарантирует, что люди могут эту культуру превращать в систему социальных отношений, общество как культурный текст и общество как текст систем отношений могут не совпадать.

Раскол между обществом как культурным текстом и обществом как текстом отношений проходит через каждую личность. Следствием внутреннего противоречия «социальное – культурное» применительно к конструкту «социокультурная идентичность» имеет следствием форми-

рование как *гипоидентичности* (ослабленная, предположительно возникает тогда, когда не до конца учитывается изменившаяся реальность или доминирует ценностно-смысловое ядро личностной идентичности), так и *гиперидентичности* (обостренная, с элементами фанатизма, саморастворения, предположительно возникает тогда, когда происходит погружение в изменившуюся реальность в ущерб ценностно-смысловому ядру личностной идентичности). Гипо- и гиперидентичность личности – свидетельство социально-педагогических неудач.

Таким образом, обеспечение социокультурного равновесия (гармонизация, уравнивание демонстрируемого и передаваемого социального и культурного опыта) – актуальная и объективно сложная с точки зрения формирования социокультурной идентичности личности педагогическая задача.

Другой аспект, обращающий на себя внимание при рассмотрении сущности и процесса формирования социокультурной идентичности личности, сопряжен с определением меры должностования при предъявлении образцов и норм. Как следствие, уместно обращение к соотношению должного и сущего, более пристальное внимание к деонтологическим законам (деонтологическому принципу), деонтологии в целом.

В современных словарях деонтология определяется как раздел этики, который изучает проблемы и сферы обязательного, все формы моральных требований и их соотношение. Центральными понятиями деонтологии являются долг, должное, долженствование. Деонтологическая этическая система выводится независимо от каких-либо существенных утверждений о человеческой природе или человеческих целях.

Сущность деонтологических законов раскрыта А.Б. Гофманом в «Семи лекциях по истории социологии», где они противопоставляются онтологическим. Согласно А.Б. Гофману, *деонтологические законы* (законы должного) – это такие правила, принципы и свойства, которые выступают в качестве обязательных для исполнения норм. *Онтологические законы* (законы сущего) – это правила, принципы и свойства, которые относятся к естественному, стихийному, самопроизвольному ходу вещей. Они исключают вмешательство чьей-либо воли (человеческой или божественной) или же включают ее в себя как одно из своих собственных проявлений.

Уже у И. Канта деонтологический подход строился на четком разграничении между действиями, совершенными по склонности,

и действиями, совершенными согласно долгу. Оно основано на различении мотивов действия: в первом случае – желание счастья, во втором – уважение к моральному закону, требующему руководствоваться в своем поведении теми правилами, которых все могли бы пожелать. Моральная точка зрения выражается не в поиске ответа на вопрос: что хорошо для меня, а в стремлении к справедливости, к такому беспристрастному решению, которое в равной мере хорошо для всех. Кант не просто проводит различие между правильностью и благом, а настаивает на приоритете правильности.

Один из принципиальных для педагогики выводов об уязвимости деонтологической логики делает М. Сэндел (Sandel). Критикуя позицию Дж. Ролза (Rawls) (теоретик деонтологической этики), согласно которому личность первична по отношению к целям, которые она утверждает, М. Сэндел пишет: «Невозможно проводить различие между целями и определяющими их ценностями, с одной стороны, и личностью – с другой. Цели и ценности конституируют личность. Ценностно «ненагруженная» личность пуста, она не в состоянии вообще сделать какой-либо выбор, если лишена предпочтений. Личность не выбирает цели, а скорее открывает их, будучи включенной в некий социальный контекст, разделяемый с другими» [2, с. 210]. И далее: «В рамках собственных построений деонтологический субъект, лишенный всех возможных определяющих его (constitutive) привязанностей, не столько освобожден, сколько обескровлен (disempowered). Как мы видели, ни право, ни благо не допускают “волюнтаристского” выведения, предполагаемого деонтологией. Агент конструирования в действительности ничего не конструирует, а агент выбора в действительности ничего не выбирает <...> Никакая перемена в моих целях и приверженностях не способна изменить меня как личность, ибо начнем с того, что ни одна из подобных привязанностей, какой бы глубокой они ни была, не способна затронуть мою идентичность. <...> Однако мы не можем считать себя независимыми в этом смысле, не причиняя огромного ущерба тем приверженностям и убеждениям, моральная сила которых отчасти состоит в том, что жизнь в согласии с ними неотделима от нашего восприятия себя как вполне определенных людей – как членов определенной семьи, сообщества, нации или народа, как носителей определенного исторического прошлого, как сыновей и дочерей определенной революции, как граждан определенной республики. <...> Они предполагают, что перед кем-то я могу быть в большем долгу, чем того требует или даже допускает справед-

ливость, – не в силу заключенных мною соглашений, а благодаря тем более или менее длительным приверженностям и обязательствам, которые частично определяют, каким человеком я являюсь. Пытаясь представить себе человека, не способного к подобным определяющим его приверженностям, мы получаем не абсолютно свободного и рационального агента, а человека, полностью лишённого характера и нравственной глубины. <...> Как независимое Я обнаруживает свои пределы в тех целях и приверженностях, отдельно от которых оно не может существовать, так для справедливости ее пределы заключены в тех общественных формах, которые формируют идентичность членов общества и их интересы» [там же, с. 211].

В аналогичной полемике с представителями деонтологической этики родилось следующее высказывание Ю. Хабермаса (Habermas): «Индивидуальное Я возникает исключительно на социальном пути проявления вовне и может *стабилизироваться* только в сети исправно действующих отношений взаимного признания. Зависимость от Другого объясняет и ранимость Одного Другим. Личность в ее отношениях с другими личностями подвержена неисчислимым ранам, от которых нет защиты и на которые она, развивая свою идентичность и сохраняя свою целостность, просто обречена» [3].

Мы намеренно привели столь обширную цитату, поскольку с подобных позиций критика деонтологических основ в педагогике почти не встречается.

Очевидно, что деонтологический принцип в педагогике поддерживается таким механизмом, как «формирование заранее заданных качеств» (*формирование долженствований*), подкрепляемым апеллированием к чувству долга, необходимости соответствия долженствованиям, обязанности исполнения норм различного характера.

Попытка выделить некий общий вектор в теоретическом осмыслении доминирующего механизма воспитания в последние годы позволила нам высказать предположение, что формирование долженствований (заданных качеств) таковым уже не является. Смеем утверждать, что массовая практика (абстрагируемся при этом от разрабатываемых образовательными учреждениями концепций и программ развития, большинство положений которых носят декларативный характер), напротив, все еще тяготеет к привычному «формированию заданных качеств», чему в немаловажной мере способствует традиционная система подготовки педагогов как воспитателей (а зачастую сведение к минимуму именно этой части в подготовке учителя), а также педагогическое

наследование, присутствующее стихийно либо в сочетании с частично организованными формами в каждом образовательном учреждении.

Преимущественно онтологические законы, вероятно, лежат в основе комплекса теорий, объединенных идеями свободного воспитания. Ведущим механизмом называется *создание условий* для максимально полного саморазвития, самовыражения, самореализации каждого индивида.

Вокруг механизма создания условий строится значительная часть рассуждений современных теоретиков воспитания, но проблемы в его реальной реализации в массовой практике в сочетании с настойчиво заявляющей о себе кризисной ситуацией с социокультурным наследованием молодыми людьми нормативно-ценностных оснований общества не позволяют, на наш взгляд, данному механизму приобрести характер парадигмального признака в современной теории воспитания.

Как свидетельствует анализ теоретических изысканий в области теории воспитания и описаний массовой практики, в качестве такового все настойчивее заявляет о себе механизм *педагогического управления должным* (недостаточная разработанность в теории и преимущественно интуитивное использование в массовой практике не позволяет говорить об этом как о свершившемся факте).

Педагогическое управление, с одной стороны, есть мягкое управление, т.е. управление условиями (различие с предыдущей позицией в смысловом наполнении глаголов «создавать» и «управлять», в частности, в части ответственности за результат). С другой стороны, оно допускает и нуждается в со-бытии воспитателя и воспитуемого.

Должное, в отличие от долженствований, имеет ряд отличий: в его основе лежит мнение; оно «растворено» в социальных действиях, явлениях, имеет вид конкретных, доступных для восприятия каждого человека образцов.

Предпримем попытку лишь на одном примере проиллюстрировать различие в действиях механизмов формирования заранее заданных качеств (формирование долженствований) и педагогического (мягкого) управления должным по воспитанию лишь одной желаемой в настоящее время характеристики личности – *«успешной личности»*.

Оговоримся, что социокультурная идентичность как составляющая самосознания складывается и под влиянием формирования долженствований. При этом велика вероятность, что идентичность данной

Формирование долженствований	Мягкое управление должным
<p style="text-align: center;">1</p> <p>Конструкт «успешная личность» предстает как идеальная конструкция, наполняемая всеми необходимыми характеристиками-составляющими. За основу принимается важность, нужность, привлекательность данного качества. Его реалистичность не рассматривается, а зачастую не допускается самими педагогами («это, конечно, хорошо, но в нашем обществе все не могут быть успешными» и т.п.)</p>	<p style="text-align: center;">2</p> <p>Конструкт «успешная личность» определяется в совокупности возможных составляющих. Учитываются: а) социоразмерность (готово ли общество принять людей с развитым данным качеством и в какой мере); б) культуроразмерность (является ли данное качество в обществе или отдельных общностях признанной ценностью и в какой мере); в) человекоразмерность данной характеристики (посильность данному индивиду при данных условиях). Важна не только привлекательность, но и реалистичность данного качества</p>
<p>Педагог как носитель данного качества. Доминируют два варианта: 1) старшему поколению в целом, воспитателю, в частности, априори присуще данная характеристика (достаточно декларировать, но не допускать диалога по этому поводу); 2) допускается, что старшее поколение, воспитатели, могут не обладать этим качеством. Собственный пример основан на логике «от противного»: «нам не стать», «мы не имели возможности» и т.п.</p>	<p>Педагог воспринимает себя как носителя данного качества. Как правило, он не может рассматривать себя в качестве примера-эталона, но может демонстрировать стремление достичь желаемого состояния, двигаться в направлении к совершенствованию. Данное стремление не может быть только декларативным, оно проявляется в повседневности и должно быть возможным предметом обсуждения с воспитанником</p>
<p>Достижение данной характеристики личностью предстает как долг, аргументируемый обязанностью каждого нового поколения быть лучше, совершеннее, обеспечивать прогресс и процветание. Не приветствуются (осуждаются) незапланированные пробы, ошибки, слабости</p>	<p>Достижение данной характеристики мотивируется наличием ориентира на ее присвоение у членов референтных групп, значимых Других. Учитывается, что его достижение на уровне идентичности может основываться на противопоставлении: если нет возможности построить идентичность на сопоставлении, то личность ее строит на противопоставлении. Приветствуются пробы, допускаются ошибки и слабости</p>
<p>Технологическое обеспечение нацелено на «привитие» данного качества, управление в его проявлениях, деятельность-ном выражении</p>	<p>Технологическое обеспечение нацелено на создание условий для включения данного образа в рисунок идентичности личности (а затем – «Я-концепцию») и реализации присвоенного образа в повседневной жизни</p>

1

Диагностика достижения данного качества строится нормативно, «от образца». Считается, что в случае несоответствия образцу, качество не сформировано либо сформировано слабо

2

Предметом диагностики, прежде всего, выступают созданные условия, их адекватность поставленной задаче и особенностям личности или группы.

Диагностика достижения данного качества строится на данных экспертных оценок и самооценки (в частности, идентичность предполагает совпадение как минимум трех факторов: «Я-фактор» или «я себя считаю в той или иной мере таковым»; «Мы-фактор» или «члены моей референтной группы в той или иной мере считают меня таковым»; «Они-фактор» или «признание другими наличия у меня подобного качества»). В процессе диагностики учитывается, что если качество не диагностируется, то может и должно быть диагностировано контр-качество, что также дает немало информации к размышлению

личности будет не «истинной», а «навязанной» («предписанной», «отраженной»).

Природа «истинной» и «отраженной» идентичности может быть проиллюстрирована посредством анализа дифференциации бытия по признаку аутентичности-неаутентичности. С точки зрения З.И. Рябикиной, субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен. Бытие есть процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований. В связи с этим принципиальна его дифференциация на аутентичное и неаутентичное. Аутентичное бытие – это процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов. Неаутентичное бытие – воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных представлений, что создает иллюзию адекватного поведения, но таковым не является, поскольку связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями личности (ее смыслами). Таким образом, подобное поведение выглядит адекватным по отношению к среде, но не является адекватным выражением внутреннего мира личности [4, с. 19].

К числу критериев различения «истинной» и «отраженной» социокультурной идентичности можно отнести: субъектную позицию индивида (меру субъектности) в группе (общности); собственное мнение как отражение смыслотворчества в отношении своего места

и положения в группе (общности); избирательность (выбор) стилей и способов самоосуществления, в определенной мере согласующихся с групповым контекстом; наличие эмоционально-ценностного реагирования на «предписанные идентичности» (согласие – отвержение).

Таким образом, аксиологический контекст педагогического определения содержания и способов формирования социокультурной идентичности личности сопряжен с необходимостью ответа на несколько объективно сложных вопросов: каким образом преодолеть сущностное противоречие между социальными и культурными образцами и нормами, обеспечив социокультурное равновесие образовательного пространства; каковы пути коррекции гипо- и гиперидентичности личности; каков предпочтительный механизм предъявления образов, образцов и норм (как должных или как долженствований); каким образом должна быть выстроена педагогическая деятельность с тем, чтобы формировалась истинная, а не навязанная социокультурная идентичность личности?

Литература

1. *Ахиезер, А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 3 т. М.: Философское общество, 1991; Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. М.: ИНИОН, 1992.
2. *Сэндел, М.* Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм / [Пер. с англ. Л.Б. Макеевой]. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
3. *Хабермас, Ю.* Будущее человеческой природы / [Пер. с нем.]. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002.
4. *Рябкина, З.И.* Личность и бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: Теория и методология: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / [Под ред. З.И. Рябкиной, В.В. Знакова]. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.